

Игорь Игнатенко

ПОБЕДА

Победа по-русски значит — после беды,
После полей сражений — хлебное поле,
После бомбежки — слышимый шелест трав,
Чай с сахарином горьким,
Суп из худой лебеды,
Апофеозом Жизни,
Осознанные поневоле,
Строки святого писания:
«Смертию смерть поправ».

23 января 2005 г.

БОМБЕЖКА

Замшелый, словно пень, Василий Крошко
Словцо промолвил звонкое: «Бомбежка!»
Они горючий самогон с отцом
Плеснули в чарки с этим вот словцом.
«А было так, — припомнил дед Василий, —
Нас «Юнкерсы» под Киевом месили.
Забился в щель я, словно мышь в нору,
И думал: не убьют, так сам помру...»

Ребенком я любил играть в игрушки,
Мне все равно: бомбежки или пушки.
На украинской на певучей мове
Не различил я ужас в этом слове.

«Бомбежка» — это, если не игрушка,
Наверное, забавная зверушка.
Мой смех отец и дед не осудили,
И вновь по полной самогон налили.
И тихо так сказал отец мой деду:
«Бог с ней, с бомбежкой! Выпьем за Победу».

Мелькнули годы. Нет ни деда Крошки,
Ни моего отца, ни той бомбежки.
А что же есть на этом белом свете? —
Словарь войны запомнившие дети.

21 января 2005 г.

МАЛЬЦЫ НАШЛИ ГРАНАТУ

*Друзьям детства,
отрокам-инвалидам войны
из села Тамбовка*

У Вовки Страузова нет руки...
Его дружок, Валюха Сенин, — на протезе...
В двенадцать лет такое — Боже мой!
Один безрукий, а другой хромой...
Их кольца жизни на древесном срезе
До четкости трагичны и горьки.

Пять лет со Дня Победы пронеслось.
У ветеранов шрамы задубели.
На свет иной уходят старики.
У Вовки Страузова нет руки...
А Сенин ковыляет еле-еле...
Да как же это с ними-то стряслось?

А было так. Мальцы нашли гранату
В заброшенном и мрачном блиндаже,
Затронули нечаянно чеку —
И грянула война на их веку!
Померкнул свет в разрывном мираже,
Неся невосполнимую утрату.

Кто виноват? Усталая беспечность
Ушедших из укрытия бойцов?
Иль неслухи забыли про запрет:
Не лазить там, где разрешенья нет?
Им, выросшим без дедов и отцов,
Полшага оставалось — кануть в вечность.

Но выжили! Их ангелы витали
Над головами мальчиков в тот час,
Рука хирурга отсекала часть плоти,
Поймав их жизни на самом излете,
Свет в их глазах воскрес, а не погас.
Об этом горе все в селе узнали.

Кладя запрет на детские забавы,
О, как кричала мать моя тогда:
«Ни шагу к блиндажам! Запру в кладовке!
Видал, что Вальке сделалось и Вовке?
Стать инвалидом в детские года!
У, неслухи! Ох, нет на вас управы!...»

Мелькали дни. Култышки зарастали.
Остались полноги и полруки,
Полдетства на двоих дружков осталось.
Привычка заменила нашу жалость.
А что дружки? Да ничего дружки!
Росли, в лапту с ребятами играли.

По мере сил копались в огородах —
Подспорье овдовевших матерей.
Ходили в школу, пели в детском хоре.
И видя их, испытывали горе
Односельчане все слабей, слабей...
Так память нам дает от боли отдых.

Уехал Валька Сенин после школы,
Лет через восемь, плотником на ГЭС,
Что названа легендой — возле Братска.
Он службу нес исправно, по-солдатски,

Не отставал и в лидеры не лез.
По слухам, он женился даже, что ли...

Казалось бы, тянись-ка за дружкой,
Но Страузов остался жить в селе,
Стал сторожем сельповского амбара.
Скорбел-тужил: «Распалась наша пара...»
Частенько стал ходить навеселе,
А посему захряс холостяком.

Я их давно не видел. Сердце точит
Воспоминанье нестерпимой резью.
Ау, мои тамбовские деньки!
Но помню Вовку без одной руки,
И Вальку на потресканном протезе,
И ту войну, что столько лет грохочет.

Тамбовка, 1956 г. —

Благовещенск, 11 января 2005 г.

ПОМНИТЕ И ВЕРЬТЕ

К нам весна вернется, как всегда,
Теплая, желанная, хмельная.
Не стареет память никогда.
Не померкнет день девятый мая.

Верностью сыновнею сильны,
Мы цветы возложим на могилах.
Удаляют годы от войны,
От Победы удалить не в силах.

И покуда ритм людских сердец
Как на фронте, бой ведет со смертью,
Не наступит никогда конец
Родине России — знайте, верьте!

18-19 января 2005 г.

РАБЫ НЕ МЫ

*Светлой памяти дяди Ивана,
пропавшего в немецком плену,
и тети Елены, дважды сбежавшей из плена.*

Его угнали в плен в семнадцать лет
Nach arbeiten — на рабскую работу.
И до сих пор пути обратно нет!
Считая годы, сбилась мать со счета.

Украина сынов и дочерей
Потерянных скликала на поминках.
И становились лица их черней
На пожелтевших старых фотоснимках.

Сестру его Елену брату вслед
На грузовик конвой фашистский втиснул.
А было тете Лене двадцать лет,
И путь лежал за Днепр, а там на Вислу.

Но девушка сумела убежать
В глухом лесу под пересвист обстрела.
Ее в подполье схоронила мать,
И в двадцать лет Елена поседела.

Доведался сосед их полицай.
Донес. И снова горе маме —
В Неметчину, проклятый Богом край,
Отправилась Елена под штыками.

И вновь побег!
И вновь в свое село
Она вернулась:
«Спрячь от полицая...»
Но наступленье войск советских шло,
И пала оккупация лихая!

А после в плен работа забрала
В родном колгоспі*,
Сорок лет держала,

---

*Колгосп — колхоз (укр.).

И век остатний Лена провела
В труде тяжелом.
Значит, не сбежала...

12 января 2005 г.

СТАЛИНГРАД

*Терентию Данилову,
разведчику*

1.

Горела Волга. Зеркало реки
Всю ненависть народа отражало.
Земля качалась, дыбилась, дрожала.
Ни шагу вспять! — Россия так встречала
Отборные немецкие полки.

Ты послан был на Тракторный завод
С одной задачей: огневые точки
Определить — и в часть доставить срочно
Их схему этой воспаленной ночью.
К броску твой полк готовился вперед.

Легли в планшетку кроки вражьих гнезд.
Твой путь лежал по каменным руинам.
Еще не скоро ты пройдешь Берлином
На фронтовом пути, как вечность, длинном.
Да и дойдешь ли? — вот ведь в чем вопрос.

Но если решено, то значит — да!
Пусть холоден и голоден, измучен,
Со смертью в прятки ты играть обучен,
Мать родила тебя таким везучим,
Тебе лишь двадцать — смелые года!

И нет таких немислимых преград
На всем пути, перед тобой лежащем,
От минных взрывов гибельным, пропащим,
Берлином будешь ты идти горящим —
Вот так же, как горит наш Сталинград.

2.

А на заре уже ни выстрела, ни взрыва...
Вновь тишина вернулась гостьей незнакомой.
И воробьи ликуют: «Живы, живы, живы!»
И дождь ласкает землю после грома.

А на березах почки красят ветки
Извечным цветом юности и роста.
Ты больше не отправишься в разведку,
Но к тишине привыкнуть так непросто.

Заря вставала голубой и алой.
И в паузе, как вечность, мимолетной
Ты ощутил в груди своей усталой
Биенье сердца — дробью пулеметной.

31 января 1973 г. — 22 января 2005 г.

ТОРПЕДНАЯ АТАКА

*Посвящается
моему двоюродному дяде Ивану Игнатенко,
мичману торпедного катера,
кавалеру медали Нахимова*

Когда, взревев надсадно дизелями,
Торпедный катер вышел на редан*,
Буруня волны, словно ураган,
Ища свой фарт над минными полями,
Тогда ты верил: пан или пропал!
Наперерез немецкому конвою
Ты катер вел недрогнувшей рукою,
Как будто в сечу на коне скакал.
Фанерная скорлупка,
Смерч на час,
Чей корпус сделан на живую нитку.
Его прошьет не только что зенитка —
Турели пулемета зоркий глаз.

---

*Редан — выступ на днище катера

Но, совершив у цели разворот,
Пли! — с двух бортов по вражью линкору,
Чьи пушки били по тебе упорно
И мазали под возгласы: «Main Gott!».
Секунды...
Миги...
Крохи бытия...
Громада взрыва пополам ломала
Плавучую утробину металла,
Врага в соленых волнах хороня.
Не камикадзе, нет, ты был умен
И жить хотел. За дымовой завесой
Укрылся, свой маневр исполнив с блеском,
И возвратился цел в дивизион.

На Черном море братских нет могил,
Но каждый раз, домой вернувшись с битвы
По лезвию сразить готовой бритвы,
За той завесой, на волнах прибитой,
Друзей своих ты тоже хоронил.
Еще не скоро горькое вино
Ты выпьешь в честь ликующей Победы.
Летят года, как грозные торпеды.
Со свастикой суда идут на дно!

29 декабря 2004 г.

ФИНСКАЯ ПОГОДА

П. Поддубному

Дядя Павлик вышел на крыльцо.
Хлопья снега падают отвесно.
«До чего же, братцы, жить чудесно!» —
Крякнул он и расцветил лицо
Озорной улыбкою солдата.
«Выходи в снежки играть, ребята.
Эй, студенты, закругляйте сны.
Жалует сегодня нас природа —
Это ж прямо финская погода

В сорок пятом, под конец войны». —
Мы с Толяном вслед ему во двор
Выскочили, ежась на морозце.
«Ну-ка, получай шрапнельку, хлопцы!» —
Запустил он в нас снежком в упор.
И пошла потеха! Нас затроньте...
Бились с дядькой, словно бы на фронте.
Только он пулял точнее в нас,
Ибо в прошлом, сумрачном и мглистом,
Дядька воевал артиллеристом,
И сейчас показывал он класс.

«Перекур! Победа вновь за мною, —
Объявил нам дядька свой вердикт
И потрогал правый бок рукою —
Там, где шрам, что не дает покоя. —
В финскую погоду и болит...»

24 января 2005 г.